

АРМЯНСКИЙ ВОПРОС
И СОВЕТСКО-ТУРЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ

ОГАНЕС ИНДЖИКЯН

В условиях революционных преобразований, демократии и гласности, когда партия требует выправить положение и в исторической науке, видимо, настало время пересмотреть многие узловые проблемы прошедшего этапа истории. К их числу относится тщательный анализ первого периода советско-турецких отношений с учетом тех новых материалов, которые еще не использованы по каким-либо соображениям. До сих пор этот период освещался с туркофильских позиций как в государственных изданиях, так и в исследованиях и специальных статьях. Интересы науки требуют пересмотра многих старых и привычных формулировок и понятий. В частности, следует уточнить некоторые аспекты характеристики кемалистов и их восточной политики, старые суждения относительно единства позиций советских государственных деятелей в вопросах ближневосточной политики, оценки ситуации на Кавказе в те годы и т. д. В рамках одной статьи невозможно детально изложить всю проблему. На основании официальных документов, высказываний государственных и политических деятелей, материалов архивов и прессы в настоящей публикации прослеживается лишь главная линия обсуждаемой проблемы. Делается попытка обрисовать истинную картину той обстановки и, отойдя от стереотипов, несколько по-новому изложить ход советско-турецких отношений, с учетом армянского вопроса, являвшегося основным мотивом разногласий как между Советским государством и Турцией, так и между отдельными советскими руководителями, ответственными за внешнюю политику в этом регионе мира.

В ряду первых всемирно известных актов молодого Советского государства, блестяще иллюстрирующих гуманистическое направление его политики, были декреты о мире, о земле, Декларация прав народов России, другие важнейшие документы, и в том числе декрет Совета Народных Комиссаров о «Турецкой Армении» от 29. 12. 1917 г. (11 января 1918 г.). Утвержденный III Всероссийским съездом Советов 15 (28) января 1918 г., он «объявил армянскому народу, что Рабочее и Крестьянское Правительство России поддерживает право армян оккупированной Россией «Турецкой Армении» на свободное самоопределение вплоть до полной независимости». Декрет провозглашал, что «осуществление этого права возможно лишь при условии ряда предварительных гарантий, абсолютно необходимых для свободного референдума армянского народа». Совнарком такими гарантиями считал: вывод войск из пределов «Турецкой Армении», беспрепятственное возвращение беженцев-армян, а также эмигрантов-армян в пределы «Турецкой Армении», возвращение насильственно выселенных во время войны турецкими властями в глубь Турции армян, «на чем Совет Народных Комиссаров будет настаивать при мирных переговорах с турецкими властями». «Примечание: Географические границы «Турецкой Армении» определяются демократически избранными представителями армянского народа по соглашению с демократически избранными представителями смежных и спор-

ных (мусульманских и иных) округов совместно с Чрезвычайным Временным Комиссаром по делам Кавказа»¹. На С. Г. Шаумяна была возложена обязанность оказать всяческое содействие населению в осуществлении указанных жизненно важных задач и приступить к созданию смешанной комиссии для их осуществления.

Вся дальнейшая политика Советского правительства в отношении Армении и армянского населения была проникнута заботой о создании нормальных условий для его самоопределения, для перехода к мирной трудовой жизни. Через неделю, 4 (17) января 1918 г., была обнародована Декларация прав народов России, где вновь поддерживалось «объявление свободы самоопределения Армении»².

Даже в невыгодном для страны Брест-Литовском договоре, заключенном 3 марта того же года, в статье IV специально оговаривалось, что Россия предоставит населению округов Ардагана, Карса и Батума возможность «установить новый строй в согласии с соседними государствами, в особенности с Турцией»³. И в последующем, при решении любых вопросов, армянский народ получал бескорыстную поддержку России. В тяжелом 1920 г. она неоднократно и настойчиво предлагалась дашнакской Армении. В докладе Г. В. Чичерина на заседании ВЦИК 17 июня говорилось, «что Советская Россия является бескорыстным другом всякой малой национальности, что только в Советской России каждая национальность может найти защиту и покровительство против нападения, против угрозы ее национальному существованию. И ту же роль мы будем играть между Арменией и Турцией...»⁴.

Но султанская Турция использовала создававшуюся на востоке благоприятную обстановку для достижения своих агрессивных целей, не осуществившихся из-за поражения в мировой войне. Вслед за интервенцией немцев против Советской России в феврале 1918 г. активизировали свои действия турецкие войска. Брестский мир обязывал прекратить военные действия, однако, продвигаясь на восток, турки через девять дней после заключения мира захватили Эрзерум. 13 апреля 1918 г. правительство Советской России объявило протест по поводу наступательных действий турецких войск. Не считаясь ни с чем, турки через два дня захватили Карс, 15 мая—Александрополь, 22—26 мая вели бои на подступах к Еревану, в районе Сардарапата, где потерпели первое серьезное поражение от народного ополчения и вооруженных сил Армянской республики. Наступая правым флангом, турки 20 мая заняли Ганджу, а 15 сентября вошли в Баку. Вооруженные силы Турции левым флангом продвигались к Батуму и 13 апреля заняли всю область. Это был своеобразный ответ на протест Советского правительства. Более того, 15 августа 1918 г. было обнародовано ираде султанского правительства о присоединении к Турции округов Карса, Ардагана и Батума. В такой обстановке, под диктовку оккупантов, шли переговоры между делегациями Армении и Турции сперва в Трапезунде, потом в Батуме, и, наконец, 31 июля в Стамбуле был подписан мирный договор. Армении оставалась одна треть нынешней территории (ок. 10 тыс. кв. км.). Она лишилась контроля над своими железными дорогами, сохраняла незначительную группу войск и милиции для внутренней охраны. Якобы выполняя условия мирного договора и свои же обещания, турецкие оккупационные власти в конце июля провели т. н. «референдум». По сооб-

¹ «Документы внешней политики СССР», т. 1, М., 1957, с. 74—75.

² Там же, с. 86.

³ Там же, с. 121.

⁴ Г. В. Чичерин, Статьи и речи, М., 1961, с. 167.

щениям прессы: «Народное голосование в округах Карса, Батума и Ардагана дало следующие результаты: за присоединение к Турции 8300 голосов, против—2000 («Борьба», 24. VII). Референдум прошел под террором, почему население голосовало за присоединение к Турции («Новости дня», 25. VII)»⁵.

Советское правительство неоднократно протестовало против незаконного присутствия турецких войск в Закавказье. Наконец, 21 сентября 1918 г. Турции была предъявлена нота за подписью Г. Чичерина, в которой турецкая сторона обвинялась в нарушении Брест-Литовского договора и отмечались произвольные действия оккупационных властей. В частности, было указано, что установленный военный режим сопровождается «недопустимыми грабежами и насилиями над мирным населением. Одновременно с введением турецкой администрации был произведен принудительный набор мужского населения свыше 19-ти лет». Указывая, что плебисцит превратился в «открытые издевательства» над населением, нота осуждала турецкие власти в преднамеренных незаконных действиях: «Накануне голосования почетные граждане, влияние которых могло бы быть не в пользу Турции, высылались, арестовывались, во многих случаях даже расстреливались». После перечисления множества злодеяний, в том числе захвата Баку, население которого «в продолжение нескольких дней подвергается всем ужасам разгрома и разграбления со стороны турецких войск вместе с примкнувшими к ним татарскими бандами», в ноте констатируется, что все эти действия Оттоманского правительства показали, «что Брест-Литовский договор между Россией и Турцией уже не существует»⁶.

Через две недели турецкому послу в Германии Рифат-паше была вручена новая нота с требованием: Турция отводит «до границ, установленных брестским договором, все свои войска: регулярные, нерегулярные, со всей амуницией и снаряжением, и отдельных турецких добровольцев, так же, как и турецких гражданских чиновников, и передает всю означенную территорию российским войскам»⁷.

6 декабря закончилась эвакуация турецких войск с территории Закавказья. Оккупированный Карс был освобожден 13 апреля 1919 г. Но армянский народ еще не был избавлен от турецких насилий и угрозы физического уничтожения. Младотурецких агрессоров сменили кемалистские захватчики. Последние, по своим убеждениям и практическим действиям, были истинными наследниками первых, и этого не скрывали они сами—старые и новые турецкие деятели. В газете «Хакимети миллие» 27 апреля 1922 г. было помещено интервью комиссара внутренних дел Али Фетхи-бея об отношении правительства к иттихадистам, в котором говорилось: «Ворота страны никогда не были закрыты... Для иттихадистов эти двери также были открыты. Открыты они и сейчас. Многие видные иттихадисты приезжали ранее, приезжают в настоящее время, не встречая никаких препятствий и враждебного отношения»⁸. Конечно, было бы наивно и неверно ставить знак равенства между этими двумя партиями. Но в своей восточной политике они преследовали одну общую цель—не дать возродиться армянскому государству и любыми средствами сохранить свое влияние над мусульманским населением России, Закавказья и Ирана.

⁵ Центральный государственный исторический архив АрмССР (далее ЦГИА АрмССР), ф. 200, оп. 1, ед. хран. 7, л. 26.

⁶ «Документы внешней политики СССР», т. 1, с. 490—492.

⁷ Там же, с. 510.

⁸ Архив внешней политики СССР (далее—АВП СССР), ф. 132, п. 68, сп. 7, пор. 86, 1922 г., л. 212.

В протоколах Представительного комитета, действующего в качестве руководящего органа до созыва ВНС и возглавляемого Мустафа Кемаль пашой, имеется следующая резолюция, относящаяся к началу 1920 г. В ней говорится: «Провести на восточном фронте официальную или неофициальную мобилизацию и начать концентрацию войск для разрушения с тыла кавказской преграды»⁹. 9 июня 1920 г. началась мобилизация в восточных вилайетах, и Кязым Карабекир-паша официально был назначен командующим восточным фронтом. Готовился к активным действиям также и 20-ый армейский корпус во главе с Али Фуад-пашой. Общественное мнение было подготовлено к агрессивным действиям многочисленными заявлениями государственных деятелей и выступлениями прессы, ссылавшейся на решения эрзерумского и сивасского конгрессов «не уступить Армении ни одной пяди турецкой территории...»¹⁰. Обобщив весь имеющийся материал по этому вопросу, турецкий военный историк, полковник Джевдет Керим в своих «Лекциях о турецкой борьбе за независимость» откровенно и цинично писал: «Главное внимание было уделено восточному фронту, ибо достижение успеха здесь должно было уничтожить армянскую армию и армянское государство, в виде нарыва оставшихся еще на теле нашей страны...»¹¹.

Попытки армянских вооруженных отрядов вернуть хоть какую-то часть захваченной турками земли послужили поводом для начала подготовленного наступления. В годовом отчете НКВД за 1919—1920 гг. VIII съезду Советов турецким действиям дана следующая оценка: «В то время когда в Москве стала выясняться безнадёжность попыток установить компромиссную этнографическую границу, турецкое правительство решило мечом разрубить gordiev узел». В осложнившихся условиях Советское правительство еще раз предложило свое посредничество. «Но вопреки своим прежним заявлениям, турецкое правительство отвергло принятое им ранее посредничество Советского правительства»¹². К сожалению, Армения также, надеясь на помощь государств Антанты, отвергла крайне нужное, жизненно важное для себя посредничество. В конце сентября началось общее наступление турецких войск, и через два месяца в их руках оказались Сарыкамыш, Карс, Александрополь и ряд других населенных пунктов. Зажатая в тиски армянская республика 18 ноября 1920 г. заключила перемирие. Турки еще раз продемонстрировали правильность слов Виктора Гюго относительно опустошающих последствий их военных нашествий. В записке А. Ф. Мясникова от 6 июня 1921 г. «О результатах пребывания турецких войск в Александрополе» указывалось: «По подсчетам комиссии: всего вырезано—60 тыс. человек, ранено—38 тыс. В плен забрали: мужчин—18 тыс., женщин—8 тыс. Изнасиловали—более 50 тыс. Голодная смерть унесла более 32 тысяч жизней. В плену в Турции оказалось десять тысяч, из коих в живых осталось не более 2 тыс., остальные погибли от голода или холода, или вырезаны. Положение оставшихся отчаянное. Бежавшие из Артина передают кошмарные подробности уничтожения нескольких деревень. Армянское население Артина переживает кошмарные дни ожидания резни»¹³.

Весьма характерным является другой документ—протокол Александропольской чрезвычайной комиссии от 7 марта 1921 г. Историче-

⁹ М. Кемаль. Путь новой Турции, т. III, М., 1934, с. 313.

¹⁰ Там же, т. II, М., 1932, с. 272.

¹¹ Там же, т. III, с. 314.

¹² «Годовой отчет», М., 1921, с. 70.

¹³ АВП СССР, ф. 132, д. 13, папка 6, оп. 4, л. 52.

ским фактом является вступление в город отдельных подразделений и многих офицеров турецкой армии для показухи с красными повязками. В документе отмечается, что отношение последних к коммунистам, конечно, только внешне было «дружественным. Командование в лице Кязим Карабекира желало своим благожелательным отношением к Компартии использовать ее и через нее и при помощи ее победоносно пройти всю Армению, проникнуть в Азербайджан. Но отношение турок к нам резко изменилось с момента объявления Советской власти в Армении и вступления красных войск... Командный состав всячески старается убрать из Александрополя Советскую власть, чинит всякие препятствия ей, связывает ее по рукам и ногам». Сообщение комиссии имеет «постскриптум»: «Что же касается турецкой армии, то она уже не та армия, которая вступила сюда, а скорее банда. Сильно желание аскеров поскорее вернуться домой. Армия грабит, торгует и пьет, она уже не армия, а банда...». Документ был составлен председателем ЧК Александрополя и заверен секретарем «делегации ССР Армении» В. Мурадяном¹⁴. В таком же тяжелейшем состоянии находились и другие районы Армении, в частности, экономически более благополучной Араратской долины. В телеграмме из Армавира от 8 марта 1921 г. сказано: «Турецкими войсками было убито 6 тысяч женщин, детей и стариков, а все трудоспособные мужчины угнаны по направлению к Эрзеруму. В Александрополе убито пять тысяч, а насильственно увезено более 15 тысяч. Кроме того угнано более 300 тысяч волов и другого скота. Из 64 сел уцелело три, да и в тех перебиты и угнаны все мужчины»¹⁵. Экономика Армении была разорена полностью, голод и эпидемии уносили жизнь десятков и сотен тысяч людей. По данным официальной статистики за годы первой мировой войны и турецкой интервенции число жителей, проживающих на нынешней территории Советской Армении, уменьшилось почти на 200 тысяч человек, т. е. на 1/5 общей численности¹⁶. К числу людских потерь нужно отнести также гибель двух-третей—около 265 тысяч—переселенцев из Западной Армении. Что касается материальных потерь, то из письма представителя Армении в Константинополе от 7 апреля 1919 г. мы узнаем, что Армянский Национальный Совет решил представить мирной конференции памятную записку, в которой потребует возмещения общего ущерба в сумме 19 миллиардов франков, из коих: 14 миллиардов составляют потери проживающих в Турции армян, а остальные 5 миллиардов—армян Закавказья¹⁷.

Затем Армения повторно попала под военную оккупацию и оставалась в условиях абсолютного контроля кемалистских властей около десяти месяцев. Силы сторон были неравными. Турецкая армия располагала 50 тыс. солдат и 306 орудиями, вооруженные же силы армянской республики имели в своих рядах всего около 35 тыс. воинов, 56 орудий и 148 пулеметов¹⁸. После своей второй победы турки вели себя как настоящие оккупанты и насильники. 19 ноября 1920 года Карабекир-паша обнародовал в Карсе свой первый приказ о победе: «Против нашей сильной армии дашнаки не удержались, они разбиты

¹⁴ Центральный государственный архив Октябрьской революции АрмССР (далее —ЦГАОР АрмССР, ф. 114, оп. 2, д. 43, л. 16.

¹⁵ АВП СССР, ф. 132, д. 11, п. 6, оп. 4, л. 24.

¹⁶ «Армянская Советская Энциклопедия», т. 13, Ереван, 1987, с. 23.

¹⁷ ЦГИА АрмССР, ф. 200, оп. 1, ед. хр. 145, л. 99.

¹⁸ «Армянская Советская Энциклопедия», т. 6, Ереван, 1980, с. 162.

и погибают...»¹⁹. Но Армения не погибла. Менее чем через год, при поддержке Советской России, она как равная сторона подписала очень тяжелый для себя Карсский договор.

Все указанные события в заявлениях турецких государственных деятелей и материалах прессы представлены лишь как результат турецкой мощи, опирающейся на ислам, который исповедовали многие народы, однако «единственная охрана ислама и главный вождь его на земле—турок». Видимо поэтому другие мусульманские народы должны и обязаны во всем прислушиваться и подчиняться туркам. Оказывается, последние, «благодаря своим прирожденным качествам и благодаря своим высоким добродетелям, являются одним из величайших народов мира, может быть первейшим. Необычайная сила и мощь турок открыла новую эру в истории человечества...»²⁰. Подобных высказываний в турецкой литературе имеется множество. В них четко прослеживается пропаганда силы и могущества турок, возглавляемая Кемаль-пашой и его сподвижниками. В этом духе и оцениваются итоги всей восточной кампании. «Наши восточные границы начертаны нашим мечом»,— писала газета «Тевхиди эфкяр» в ноябре 1921 г.²¹

Все вышеизложенное позволяет критически подойти к господствующей в советской историографии однозначной оценке кемалистского движения как национально-освободительного. На Востоке оно безусловно выполняло функции захватнические, империалистические. Такое мнение и убеждение многих политических и государственных деятелей, непосредственно занимавшихся урегулированием советско-турецких отношений, а также многих исследователей. Г. Чичерин в своих выступлениях и статьях неоднократно осуждал турецкую агрессию, действия германского, «а на Кавказе отчасти и турецкого империализма»²². Находившийся осенью 1920 г. в Армении полномочный представитель РСФСР в Закавказье Б. Легран во время встречи с представителями республики говорил: «Россия не может оставаться безучастной к наступлению Кемали на Армению, поскольку наступление это начинает приобретать характер чисто империалистический. Удовлетворение этих стремлений турок угрожает дальнейшим ростом империалистических тенденций в среде кемалистов, что в свою очередь может совершенно изменить первоначальный характер этого движения, как движения освободительного. Карс в руках Армении не превратит Армению в империалистическую страну. В руках Турции, при изменившихся настроениях кемалистов, он может сыграть роль этой базы»²³. Не следует забывать ленинскую оценку кемалистов: «Наверху в Турции стоят кадеты, октябристы, националисты, которые готовы продать нас Антанте»²⁴. Это определение, в разных вариантах, повторяется в оценках других руководителей Советского государства и Армении.

Империалистические тенденции кемалистов проявились уже в первом официальном обращении Анкары от 26 апреля 1920 г. к правительству Советской России. Содержание означенного письма, по своему духу, настолько откровенно империалистическо-шовинистическое, что издание его полного текста вызвало бы у людей недоумение. Первое, что предлагалось Советской России, ведение совместной вооруженной

¹⁹ АВП СССР, ф. 132, п. 2, оп. 3, пор. 18, л. 18.

²⁰ Там же, п. 66, оп. 4, пор. 66, л. 321.

²¹ Там же, л. 75.

²² Г. В. Чичерин, указ. соч., с. 102.

²³ ЦГАОР АрмССР, ф. 200, д. 312, л. 421.

²⁴ В. И. Ленин, ПСС, т. 42, с. 125.

борьбы с силами империализма. В третьем пункте письма правительство Анкары просило материальную помощь деньгами, оружием и боеприпасами, продовольствием и медикаментами. Все указанное — естественная и понятная просьба к соседнему государству, особенно, если имеется намерение установить добрососедские отношения. Но беспрецедентна откровенно-циничная попытка уговорить соседа организовать совместное наступление на третьи государства для определения их судьбы. Таково содержание второго пункта письма, который приводится дословно: «Если советские силы предполагают открыть военные операции против Грузии или дипломатическим путем, посредством своего влияния, заставят Грузию войти в союз и предпринять изгнание англичан с территории Кавказа, турецкое правительство берет на себя военные операции против империалистической Армении и обязывается заставить Азербайджанскую республику войти в круг советских государств»²⁵.

В посвященной рассматриваемой проблеме специальной монографии совершенно правильно и четко оценена политика турок, бесцеремонно выраженная в цитируемом документе: «Свою агрессивную политику в Закавказье кемалисты прикрывали лозунгом борьбы с Антантой за независимость Турции, лозунгом, который был тогда весьма популярен в массах. Войну с Арменией они изображали как борьбу с Антантой, что позволило им маскировать свои агрессивные цели на Кавказе»²⁶. При всех своих недостатках обращение открыло дорогу для установления дипломатических отношений между Турцией и Советской Россией. Однако до заключения договора был период преодоления весьма острых противоречий по большим и принципиальным вопросам. Обращение Кемала в Москве было получено 1 июня 1920 г., а 3 июня Г. Чичерин отправил в Анкару ответное письмо, в котором Советское правительство предлагало свое посредничество при решении пограничных споров, в частности с Арменией. Далее, нарком Г. Чичерин от имени своего правительства выразил удовлетворение решением, принятым «Великим национальным собранием о предоставлении Турецкой Армении, Курдистану, Лазистану, Батумской области, Восточной Фракии и всем территориям со смешанным турецко-арабским населением права самим определить свою судьбу...». В письме далее говорилось о необходимости признавать «за национальными меньшинствами в пределах нового Турецкого государства, возглавляемого ВНС, всех прав, предоставляемых национальным меньшинствам наиболее либеральных государств Европы...»²⁷. Не будучи уверенным, что турецкое правительство выполнит свои обещания, НКВД и лично нарком пристально следили за выполнением данных турками обязательств. Протесты против военных действий и военной оккупации не привели к желаемым результатам, и от советских дипломатов потребовались новые усилия для урегулирования отношений между двумя государствами. После ряда дипломатических демаршей Г. Чичерин в разговоре по прямому проводу 7 апреля 1921 г. с С. Орджоникидзе просил потребовать очищения Александрополя от турецких войск. «Заявите от нашего имени категорический протест против заявления Карабекира-паши о его нежелании очистить Александрополь и передайте правительству ВНС, что мы решительно настаиваем на немедленном удалении турецких войск за уста-

²⁵ АВП СССР, ф. 132, п. 2, оп. 3, пор. 1, л. 10.

²⁶ А. Б. Кадишев, Интервенция и гражданская война в Закавказье, М., 1960, с. 7.

²⁷ «Документы внешней политики СССР», т. II, М., 1958, с. 554—555.

новленную в Москве границу»²⁸. Основным условием в период подготовки к заключению Московского договора Г. Чичерин считал выполнение турецкой стороной согласованных обязательств. Твердая позиция наркома вызывала у турок явное недовольство, ибо к числу обязательств относились освобождение территорий Закавказья, уважительное отношение к правам национальных меньшинств, армянский вопрос и т. д. Правители Турции, переживавшей упадок, в связи с освобождением покоренных народов и отпадением от империи их земель в прошлом веке весьма болезненно реагировали на возможность новых территориальных потерь в пользу греков и арабов, курдов и армян. Так называемый «Национальный обет» и есть продукт этих настроений и вынужденного обсуждения вопроса об образовании автономных Курдистана, Армении и других административных единиц под международным контролем. «...Все части страны,— сказано в этом документе,— находящиеся как в пределах, так и вне упомянутой линии, определенной перемирием, населенные оттоманским мусульманским большинством, объединенным религией, расой и идеей, проникнутым взаимным друг к другу уважением и чувствами самопожертвования и всецело поддерживающим свои расовые и социальные права и бытовые условия, действительно представляют собой единое целое, которое не терпит разделения ни де-юре, ни де-факто по каким бы то ни было причинам»²⁹. Туманные общие фразы «Национального обета» в том же виде повторяются и в других турецких документах. Однако они принимают весьма четкие и конкретные формы, когда речь идет об определенных проблемах.

В начале марта 1918 г., во время переговоров кавказской делегации с турецкой один из руководителей последней—Реуф-бей говорил, что армянский вопрос является внутренним вопросом Турции, и его не следует обсуждать на переговорах. «Теперь даже лишне говорить об автономии Турецкой Армении—там нет армян и не будет, ибо где пройдет турецкий солдат—там армян более не останется». Поэтому грузины и азербайджанцы должны «действовать солидарно без армян». По мнению Чхенкели, «с точки зрения внутреннего мира на Кавказе этот вопрос необходимо поставить»³⁰. Одной из характерных черт на протяжении переговоров был поиск путей создания противоречий в рядах другой стороны для достижения своих целей. Последовательный курс НКВД РСФСР при обсуждении вопросов, связанных с судьбами закавказских республик, вовсе не устраивал представителей Турции. Прибывшая в мае 1920 г. в Москву первая турецкая делегация в составе Бекир Сами-бея и Юсуп Кемаль-бея выразила недовольство подобной позицией советской стороны. О своих московских впечатлениях в интервью газете «Ен» Юсуп Кемаль Тенгиршек говорил: «В Москве нас встретили недружелюбно. Министр иностранных дел Чичерин нас не баловал... Однажды Чичерин вызвал нас к себе и спросил: «В газетах опубликован проект договора, вы видели его?». Мы его не видели. Впоследствии нам стало ясно, что русские этим договором стремились установить связи между нами и ими через правительство Армении. Целью же нашего визита в Москву именно было добиться избежания такого решения вопроса. И мы предложили Чичерину исправить это. Чичерин отверг это требование...»³¹. Свое недовольство высказал и представитель второй турецкой делегации, первый посол Турции в Москве Али

²⁸ АВП СССР, ф. 132, д. 12, оп. 4, п. 6, л. 26.

²⁹ М. Кемаль, *Путь новой Турции*, т. III, с. 252.

³⁰ ЦГИА АрмССР, ф. 200, оп. I, ед. хр. 23, л. 101—102.

³¹ „Уоп“, 4. XII. 1964, Istanbul.

Фуад-паша (Джебесой). Он писал: «Чичерин повторил, что необходимо выделить армянам территорию (в вилайетах) Ван и Битлис, что предоставление помощи туркам зависит от этого, что будет осуществлено переселение (армян) на предоставляемые Армении территории»³². Но представителям Турции было известно наличие разногласий по обсуждаемой проблеме среди отдельных руководителей Советской республики. С Чичериным не был согласен И. Сталин. Будучи народным комиссаром по делам национальностей, он практически занимался вопросами национальных меньшинств и на Кавказе. При этом он любой ценой пытался продемонстрировать дружелюбие по отношению к Анкарскому правительству, идя навстречу даже агрессивным стремлениям турок. С другой стороны, он явно выступал против справедливых требований армянского народа. Такое его поведение четко иллюстрируют факты. Превосходящими силами турки захватили Сарыкамыш, Карс, были уже на подходах к Александрополю, а И. Сталин 3 ноября 1920 г. из Баку сообщал Г. Чичерину: «Слухи о размерах наступления турок (против Армении) преувеличиваются агентами Антанты преднамеренно, почему к слухам следует отнестись спокойно...»³³. Но через месяц, с предупреждающим оттенком, он передает Орджоникидзе распоряжение: «Частичный ввод войск, проводимый с большой осторожностью, разрешаем. Ввод войск должен быть произведен по распоряжению фронта или армии и от имени фронта или армии, но не от имени правительства»³⁴. Тем самым подтверждалась серьезность положения и призывалось бдительно следить за продвижением турок, одновременно постараться сделать все осторожненько, чтобы их не обидеть. Тут же указывалось на необходимость подумать «о материальном обеспечении Армении». Но вскоре, 12 февраля 1921 г., И. Сталин направляет В. И. Ленину составленный в антиармянском духе язвительный донос, резко критикующий стратегию НКВД. «Я вчера только узнал, что Чичерин действительно послал когда-то туркам дурацкое (и провокационное) требование об очищении Вана, Муша и Битлиса (турецкие провинции с громадным преобладанием турок) в пользу Армении. Это армянско-империалистическое требование не может быть нашим требованием. Нужно запретить Чичерину посылку нот туркам под диктовку националистически настроенных армян. Сталин»³⁵. Тем самым перед приездом в Москву второй турецкой делегации он подготавливает почву для уступки туркам в самом основном вопросе во время переговоров. И это с удовольствием констатирует Джебесой: «Наше соглашение с Чичериным состоялось в результате вмешательства Сталина. Трудности, возникшие в ходе переговоров, также были преодолены в результате его вмешательства»³⁶. Далее Джебесой продолжает: «Если бы не было вмешательства Сталина в комиссариате иностранных дел, то Московская конференция продлилась бы еще очень долго, или же мы бы не достигли тех результатов, которых достигли в те дни»³⁷. Примерно то же самое говорил в своем интервью Тенгиршек: «Наконец, спросили наше желание встретиться со Сталиным. Мы дали такое согласие. Сталин поинтересовался нашими требованиями. Мы немедленно изложили их. Сталин

³² Sebesoy A. F. Moskova Hatıralarım (II. XI. 1920, 2. VI. 1922) İstanbul, 1955, s. 84.

³³ Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 558, оп. I, ед. хр. 1985, л. I.

³⁴ Там же, ед. хр. 3313, л. 1.

³⁵ Там же, ед. хр. 5214, л. 2.

³⁶ Sebesoy A. F., указ. соч., с. 141.

³⁷ Там же, с. 143.

не затруднил решение вопроса. Мы с ним определили основы соглашения»³⁸. Известный специалист по истории внешней политики Турции профессор А. Ш. Эсмер в статье о турецкой дипломатии писал: «Комиссарият иностранных дел колебался еще с подписанием договора, однако, благодаря вмешательству Сталина, заявившего, что позиция Турции дает возможность урегулировать вопросы, по которым существует недоговоренность, 16 марта 1921 г. в Москве был подписан договор»³⁹. Все данные, таким образом, говорят о протурецких позициях И. Сталина. Но самым странным и одиозным его высказыванием по армянскому вопросу нужно признать следующее: «На наш вопрос: будет ли вопрос Армении предметом разговора, он ответил:

— Вопрос Армении вы сами уже решили. Если у вас еще кое-что остается неразрешенным, и это разрешите, но о точном времени поставьте нас в известность.

После этого решительного, достойного признательности заявления товарища Сталина мы попрощались с ним»⁴⁰. Трудно утверждать, воспроизводит ли цитата подлинные слова и прямой смысл сказанного И. Сталиным, но никаких сомнений не вызывает идентичность содержания вышеприведенной цитаты и его письма от 12 февраля 1921 г. Важно также то, что она помещена в подразделе «Сталин и армянский вопрос». В обоих документах речь идет о судьбе некоторых районов Западной Армении—кому они должны принадлежать. Г. Чичерин и его соратники признавали за армянским народом право на небольшую часть его исторической родины. И. Сталин и некоторые его сподвижники, такие, как Скачко, которого он же назвал «адвокатом турецкого империализма», отстаивали интересы правительства Анкары. Беспочвенность же разговора об «армянском империализме» красноречиво доказывают некоторые сравнительные данные, характеризующие оба государства: территория Турции после первой мировой войны равнялась 763 тыс. кв. км., а население составляло более 12,5 млн. человек. Соответствующие данные по Армении в 1920г.—29,8 тыс. кв. км. и 720 тыс. жителей. Приведенные цифры могут служить основой для оценки экономической и военной мощи, а также наступательных возможностей указанных государств. К этому следует добавить, что все семь лет военных действий территория Армении находилась в непосредственной зоне этих действий, чего нельзя сказать о Турции.

Сторонники протурецкого направления свои позиции обычно оправдывали якобы освободительным характером кемалистского движения. Но практические дела говорили о другом. В сводке НКВД 15 февраля 1921 г. сказано: «После серии многократных опровержений правительство Кемаля начало открывать свое истинное «ярко революционное» лицо. Это выразилось: в отправке делегатов на Лондонскую конференцию, в разгроме зачатков истинно коммунистической партии, в закрытии газеты «Эмек», при расправе Субхи, в ряде статей печати и заявлений общественных деятелей стали все громче звучать нотки недоверия большевизму...»⁴¹. Сами же турки своему продвижению на Восток придавали (и придают) особое политическое значение. Газета «Илери» в передовой статье от 8 июля 1921 г. писала: «В конце концов благодаря тысяче мер и ряду жертв большевизм был ограничен в Рес-

³⁸ „Удон“, 4. XI. 1934.

³⁹ „Yeni Türkiye“, Istanbul, 1959, s. 70.

⁴⁰ Себесян А. Ф. указ. соч., с. 140.

⁴¹ АВП СССР, ф. 132, д. 10, п. 6, оп. 4, пор. 69, л. 25—26.

сии, а остальные части мира остались свободными от коммунизма. При этом необходимо отметить, что большевизм остался изолированным и благодаря тому, что не нашел благоприятного фактора в Анатолии»⁴². В турецкой историографии восточный поход турок оценивается еще и как фактор, содействующий победе советского народа в годы интервенции и гражданской войны!

Сползание кемализма вправо, вплоть до контактов с фашизмом, предмет другого разговора. Этот исторический факт замечен и самим И. Сталиным. В ноябре 1920 г., ссылаясь на наличие контактов кемалистов с Западом, он говорил «о серьезном заигрывании Антанты с кемалистами и о некотором, пожалуй, сдвиге позиции кемалистов вправо»⁴³.

Помимо вышеизложенного, в специальном исследовании раскрывается и другая сторона поведения турецких оккупантов. «В декабре 1920 г., — отмечает в своей книге Ю. А. Багиров, — турецкая военщина получила от своего правительства прямое указание распространить в крае турецкую власть, арестовать ревкомы и разоружить находившиеся в Нахичевани части Красной Армии. Представитель турецких военных властей Вейсал-бей объявил себя чрезвычайным верховным комиссаром турецкого правительства в Нахичевани.

...Турецкая военщина разоружила и арестовала ревком Нахичеванского уезда и стала открыто насаждать оккупационный режим в крае»⁴⁴.

Таким образом, обстоятельства сложились в пользу турок, и Московский договор был подписан с учетом турецких требований. Последовали хвалебные, восторженные отзывы, торжествующие отклики в связи с «победой турок». По мнению одного турецкого автора, «Турция по Московскому договору 1921 года заставила большевиков оглашаться не только на то, чтобы не отдать огромные турецкие вилайеты армянам, но и с необходимостью возвращения Турции районов Карса, Ардагана и Артвина, которые отторг царизм и которые силой хотели арменизировать. Турция окончательно взяла их назад»⁴⁵. Но этим не ограничивался аппетит турецких агрессоров. Еще в период переговоров представителей Закавказья с официальными лицами султанского правительства было замечено стремление последних говорить об Азербайджане как территории турецкой. После встречи с Вехиб-пашой А. Хатисян писал 3 июня 1918 г.: «Относительно Азербайджана приходится думать, что турки его считают за свою провинцию»⁴⁶. Во время приема армянской делегации 11 сентября того же года вице-председатель турецкого парламента и председатель ассоциации печати Джавид-бей заявил: «Главное затруднение в создании Армении это то, что Армения на пути Турции и Азербайджана. Надо достичь двух целей: создать Армении, чтобы разрешить армянский вопрос, и так ее создать, чтобы иметь проход в Азербайджан. Мы теряем Аравию и потому должны получить Азербайджан, Персидский Азербайджан и Туркестан. Это наш идеал, может быть химера, но идеал»⁴⁶.

⁴² Там же, п. 67, оп. 4, пор. 69, л. 96.

⁴³ И. В. Сталин, Соч., т. 4, с. 411.

⁴⁴а Ю. А. Багиров, Из истории советско-турецких отношений в 1920—1922 гг., Баку, 1965, с. 58.

⁴⁴ ЦГАОР СССР, ф. 4459, оп. 8, ед. хр. 167, л. 209.

⁴⁵ ЦГИА АрмССР, ф. 200, оп. I, ед. хр. II, л. 61.

⁴⁶ Там же, ед. хр. 23, л. 126.

Попытки сохранить свои войска после оккупации главных городов Азербайджана, как известно, ничего не дали. Тогда усилились контакты между националистами обеих сторон. В Турции уделялось особое внимание всем мероприятиям, связанным с Азербайджаном. Через месяц после вручения азербайджанским послом Абиловым верительных грамот Мустафа Кемаль-паше, 15 ноября 1921 г., последний присутствовал на открытии полномочного представительства Азербайджана и поднял азербайджанский флаг над зданием. Пресса в восторженном тоне оценила это явление. 18 ноября газета «Ени Адана» в передовице «Братский Азербайджан» писала, что «азербайджанские братья наконец свободно приезжают к нам, к своим старшим братьям... Среди громадных убытков и жертв, понесенных нами во всемирной войне, мы не замечали до сих пор созданных нами, на пролитой нами крови, новых государственных границ». И это весьма характерно для турецкой прессы того времени. Обобщение завершается следующими словами: «Вот и Азербайджан со своей независимостью является между прочим величайшим плодом, созданным на пролитой нами крови»⁴⁷.

Вторым аспектом рассматриваемой проблемы можно и нужно считать пантюркистские устремления турецких политиков всех рангов. Начиная с «Национального обета» и кончая всеми международными соглашениями и договорами, затрагивающими вопросы границ, этноконфессиональной принадлежности и в целом национальной политики, во всех документах, где стоят их подписи, как правило, учтены пантюркистские устремления. Этого младотурки добивались открыто и последовательно, а кемалисты стали их достойными преемниками. Так, через две недели после заключения Карсского договора газеты писали о втором политическом успехе (видимо, после Московского договора), которого они добились за короткое время. «Дважды пролив нашу кровь. — говорило в передовой «Тевхиди эфкяр» 1 ноября 1921 г., — мы спасли эти родные земли и населяющих их наших единоверцев сначала из рук царской России, затем из рук Кавказских республик. Таким образом, Турция на Востоке приобрела свои действительные границы. Удалось освободить наши благословенные земли, большую часть дорогих единоверцев, а для территории единоверцев, оставшихся под иностранным управлением, удалось обеспечить автономию»⁴⁸. Несколько позже газета отмечала, что после Октябрьской революции «исключена возможность», чтобы Россия, как прежде, была бы «преградой между сотнями миллионов человеческих масс, единоверных туркам и имеющих с ними одну общую судьбу»⁴⁹. Особую радость турецкой верхушки вызвали присоединение Нагорного Карабаха к Азербайджану и передача под его же протекторат центральной части исторической Армении — Нахичеванского уезда Ереванской губернии. Тем самым, идя навстречу захватническим устремлениям кемалистской Турции, И. Сталин и его сторонники добились своеобразного «решения» сложного армянского вопроса: согласились уступить туркам всю территорию Западной Армении и двух жизненно-важных районов Восточной Армении — Азербайджану.

Таким образом, к моменту подписания «Договора о дружбе и братстве между РСФСР и Турцией», заключенного в Москве 16 марта 1921 г., обстоятельства сложились в пользу турецкой стороны. Соответственно документ в целом выражает эту конкретную ситуацию. В

⁴⁷ АВП СССР, ф. 132, п. 66, оп. 4, пор. 66, л. 310—311.

⁴⁸ Там же, л. 75.

⁴⁹ Там же, л. 322.

частности, в формулировке ее третьей статьи говорится: «Обе договаривающиеся стороны согласны, что Нахичеванская область, в границах, указанных в приложении I (С) настоящего Договора, образует автономную территорию под протекторатом Азербайджана, при условии, что Азербайджан не уступит сего протектората третьему государству»⁵⁰. Императивный тон изложения является результатом не только субъективных факторов, но и объективных тяжелых условий периода гражданской войны. Правители Турции, очевидно, добивались создания коридора, через который можно было бы поддерживать постоянную связь с единоверцами, проживающими в Советском Союзе. В турецкой прессе («Milliyet», 14. III. 1988) и сегодня фигурирует мысль о «важной роли Нахичевана для связи между османами и азербайджанцами».

Общественное мнение Турции в целом отрицательно восприняло установление Советской власти в республиках Закавказья. Газета «Акшам» 14 октября 1921 г., комментируя положение в Азербайджане после апрельской победы 1920 г., отмечала определенные изменения социальной и экономической жизни и выражала «соболезнования» Азербайджану. «Мы были осведомлены тогда,—продолжает газета,— что происшедшее временное возмущение анатолийского общественного мнения отражало трагедии, пережитые бакинскими мусульманами»⁵¹. Другая близкая кемалистам газета «Илери», выражая господствующие настроения, 2 июля того же года опубликовала статью «Наша кавказская политика», где откровенно высказывалась почти официальная точка зрения: «Для нас всегда выгодно существование Кавказских государств между москвитями и нами. Вред от этого не предвидится»⁵². Не менее резкой была реакция на объединение трех братских республик и создание Закавказской Федерации. Решение об этом было принято 3 ноября 1921 г., а через две-три недели против этого выступили многие печатные органы Турции. Причем они «горевали», главным образом, за судьбу Азербайджана. «Акшам», например, сетовал: «Для нас очень печален факт потери независимости соседним нам Азербайджаном и вхождение его в состав России, под властью последней. Независимый, сильный и богатый Азербайджан составлял бы для Турции весьма верную опору на ее восточных границах»⁵³. Подобное ревностное отношение к положению дел в Азербайджане, и, в частности, в Нахичеване, объяснялось еще и тем, как было указано выше, что здесь также решение армянского вопроса могло стать известным препятствием для сохранения коридора связи между Турцией и мусульманскими народами Советского Союза. Как показывает статистика, на этих землях армяне жили компактной массой. К 1896 г. в Нахичеванском уезде Ереванской губернии проживало 86 878 человек, из коих: 42,2% армяне и 56,95% азербайджанцы⁵⁴. Имеются данные, относящиеся к 1912 году. Общее количество населения в этом году дошло до 128 489 человек, 40,8% которых были армяне и 57,7%, как указывается в тексте, представляли разные азиатские народности⁵⁵. Последнее обстоятельство вызвало беспокойство турецких руководящих верхов особенно после установления государственных границ с закавказскими республиками по Московскому

⁵⁰ «Документы внешней политики СССР», т. III, с. 599.

⁵¹ АВП СССР, ф. 132, п. 66, оп. 4, пор. 66, л. 23.

⁵² Там же, п. 67, оп. 4, пор. 69, л. 38.

⁵³ Там же, п. 66, оп. 4, пор. 66, л. 415.

⁵⁴ «Энциклопедический словарь Брокгауз и Эфрон», т. 40, СПб., 1897, с. 705.

⁵⁵ «Энциклопедический словарь Т^{ра} Гранат и К^о», т. 30, М., 1912, с. 55.

и Карсскому договору. Будучи верны принципам активной политики на Востоке, даже путем вмешательства во внутренние дела соседнего государства, турецкие правящие круги реагировали весьма болезненно на события в общественно-политической жизни этих государств. Приведем лишь один, но очень знаменательный пример. Через два с лишним года после заключения Московского договора обсуждался вопрос о включении Нахичеванской автономной области в состав Советского Азербайджана, тогда уже вошедшего в состав Советского Союза. Этот акт вызвал резкий протест турецкого правительства. Очевидно, что турки преследовали цель сохранить «коридор» для проникновения на территорию СССР. Ахмед Мухтар-бей, посол Турции в Москве, 25 июня 1923 г. отправил Г. Чичерину следующую ноту: «ЦИК Азербайджана на своем заседании 16 июня 1923 года постановил без оговорок аннексировать территорию автономного Нахичевана.

Это постановление ЦИК Азербайджана является прямым нарушением III статьи турецко-русского договора дружбы, заключенного в Москве 16 марта 1921 года, и статьи V Карсского договора от 13 октября 1921 года, подписанного также Россией.

По поручению моего Правительства я довожу до сведения Правительства РСФСР, что Турция эту аннексию считает несостоявшейся, недействительной и представляющей нарушение указанных договоров, и энергично протестует против факта аннексии без оговорок этой территории»⁵⁶. Ответ Советского правительства последовал 6 сентября. В нем опровергались домыслы о нарушении известных статей заключенных договоров. 29 февраля 1924 г. был обнародован указ об образовании Нахичеванской автономной республики в составе Азербайджанской ССР.

Вышеприведенный документ, как и первое письмо Анкарского правительства, не опубликован и не прокомментирован. А ведь он весьма рельефно демонстрирует как ненужную уступчивость турецкой стороне, так и открытую агрессивность политики Турции. В целом история советско-турецких отношений пока представляется в розовом свете, и ответственность за антисоветизм и антикоммунизм турецкой политики обычно возлагается на «правые элементы» или «реакционеров». При этом упускается из виду, что другие общественные силы не могли проявлять себя в условиях военной диктатуры, установленной в первые дни существования республики и диктующей свою волю и сегодня. Компартия была ликвидирована в период своего формирования и до сих пор находится в глубоком подполье. Несмотря на все усилия, левые демократические партии и группы лишь в отдельные периоды получали возможность повлиять на политику. Все эти и другие отрицательные явления в должной мере не подвергаются критике и необходимому научному анализу. С другой стороны, несмотря на утверждение Г. Чичерина, что «в Армении давление широких масс ведет к тому, что правительство идет на примирение с нами, на дружественные отношения с нами более, чем с правительствами Антанты»⁵⁷, бросаются в глаза большие усилия некоторых деятелей и исследователей безмерно преувеличивать значение т. н. «помощи Антанты» дашнакской Армении. На деле «помощь» оказалась лишь обещаниями. В сложившихся условиях оборонительные усилия Армении с использованием своих ограниченных средств и возможностей не привели ни к каким положительным результатам. А между тем «агрессивные» действия армянских вооруженных

⁵⁶ АВП СССР, ф. 132, п. 14, оп. 8а, пор. 2, л. 146.

⁵⁷ «Документы внешней политики СССР», т. II, с. 657.

сил подробно описываются, видимо, для оправдания агрессии младотурецких, а затем и кемалистских войск в Закавказье, в частности в Армении. В тени остаются реальные связи и настоящая помощь стран Антанты кемалистскому движению, о чем имеются обширные данные в турецкой историографии. Еще осенью 1919 г. Мустафа Кемаль-паша предупреждал: «Во имя безопасности национального движения, я прошу соблюдать абсолютный секрет насчет наших сношений как с американцами, так и с англичанами»⁵⁸. Мотивы растущего сближения не скрывались. Запад всегда считал новую Турцию бастионом против проникновения большевизма и идей социализма в страны Востока. Этим объясняется уступчивость великих держав во время международных переговоров с Турцией, превращение в клочок бумаги таких важных документов, как Мудросское перемирие, Севрский договор, как обещания об образовании автономных Курдистана и Армении, позже уступка Александретты и т. д.

Из сказанного следует, что помощь оказывалась именно правящим верхам и правым элементам Турции, и для оправдания этой политики действия последних пытались представить прогрессивными. Сами же они продолжают считать себя «господами, повелителями и властелинами» над народами, некогда жившими под тяжелым игом Османской империи.

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՀԱՐՑԸ

ԵՎ ՍՈՎԵՏԱ-ԹՈՒՐԳԱԿԱՆ ՀԱՐԱՔԵՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ

ՀՈՎՀԱՆՆԵՍ ԻՆՃԻԿՅԱՆ

Ա մ փ ո փ ո ի մ

1918—1921 թթ.՝ թուրքական ագրեսիայի տարիներին Հայաստանը երկու անգամ զավթեցին երիտթուրքական, և ապա քեմալական զորքերը: Առաջին համաշխարհային պատերազմի ժամանակ թուրքիայում սկսված ցեղասպանությունը շարունակվեց Արևելյան Հայաստանի տարածքում: Դաշնակցական կառավարությունն օգնություն էր սպասում Անտանտի պետություններից, որը այդպես էլ չստացավ: Իսկ Սովետական Ռուսաստանի օգնության վերաբերյալ բազմիցս կրկնվող առաջարկությունները նա չընդունեց: Թուրքիայի համար ստեղծվեցին բարեհաջող պայմաններ, որոնք նա ծառայեցրեց հայկական պետությունը ոչնչացնելու և շուտափույթ կերպով սովետա-թուրքական՝ «բարեկամության և եղբայրության պայմանագիրը» կնքելու նպատակներին: Արտաքին գործերի ժողովրդական կոմիսարիատը և կոմիսար Գ. Վ. Զիչերինը պրնդում էին՝ մինչև պայմանագիրն ստորագրելն անհրաժեշտ էր թուրքական կողմից պահանջել, որ նա լուծի իր իսկ խոստացած՝ ազգային փոքրամասնություններին, և մասնավորապես հայերին ինքնավարություն տրամադրելու և սահմանային հարցերը Ի. Վ. Ստալինը, որպես ազգային գործերի կոմիսար և սովետա-թուրքական հարաբերությունների խնդիրների ակտիվ մասնակից, գտնում էր, որ Արևմտյան Հայաստանի որոշ շրջանների վերագրվելը հայերին՝ նշանակում է ընդառաջել հայ ազգայնականների «իմպերիալիստական» պահանջներին: 1921 թ. մարտի 16-ին հիշյալ պայմանագիրը կնքվեց նրա և իր կողմնակիցների ճնշման հետևանքով: Թուրքիան վերագրվեց Կարսը, Արգա-հանը, Արդվինը: Նախիջևանը ճանաչվեց Ադրբեջանի հովանավորությանը ենթակա ինքնավար տարածք: Լարված իրավիճակում հաղթանակած այսպիսի քաղաքականությունն իր կնիքը դրեց նաև հիշյալ պրոբլեմների պատմության վրա:

⁵⁸ М. Кемаль, Путь новой Турции, т. I, М., 1929, с. 303, 1-й разд. 6—2